

Анастасия Егорова
Романы
на крутых берегах

Анастасия Егорова

Ромашки на крутых берегах

«Автор»

2024

Егорова А.

Ромашки на крутых берегах / А. Егорова — «Автор», 2024

Вторая половина XIX века и современность переливаются друг в друга через могучие волны широкой реки Волги. В любую эпоху люди ищут свой путь, строят жизнь по кирпичикам. Проходя через огонь и воду, предательство и отчаяние, тяжелые потери близких и финансовые трудности, герои в конце концов обретают веру, надежду и настоящую Любовь.

© Егорова А., 2024

© Автор, 2024

Анастасия Егорова

Ромашки на крутых берегах

Часть 1

Машенька дотронулась до острого шипа красной розы. Отец присел рядом с ней.

– Почему она такая колючая? Она же красивая? – хлопая ресницами, спросила девочка.

– Она так защищается, – отозвался молодой статный мужчина и, взяв дочь на руки, звонко поцеловал в веснушчатый носик.

Машенька сморщилась, как делала всегда при посещении умных мыслей, и спросила:

– А кто защищает ромашки? У них же совсем нет шипов!

– Смотри и учись.

Темнобровая красавица поправила ленту на шляпке, взяла под руку неопытную кузину, которая ничем не выделялась и напоминала полустертую фотографию.

– Вон, видишь? Фрукт в костюме.

Варвара небрежно махнула веером куда-то в сторону. Там сидел широкоплечий молодой мужчина. В движениях его чувствовалась свобода, волнистые темно-русые волосы трепал ветер. Длинные пальцы напряженно выстукивали незнакомый мотив.

Аннушка раскрыла шире и без того огромные серые глаза и испуганно прошептала:

– Какой же он фрукт?

– Обыкновенный, – Варя поправила перчатку, – жаль, что не военный. Хотя и этот сойдет.

Двоюродная сестра хотела что-то спросить, но ее «наставница» грозно дернула уголком рта. Аня в ответ поджала тонкие губы.

– Вот и правильно. Помалкивай и смотри на меня.

Варя гордо выпрямилась, и барышни чинно двинулись по набережной.

– Для начала нужно привлечь к себе внимание. Не смотри на него, – не поворачивая головы прошипела Варвара на ухо, – не смотри, говорю! Мы просто гуляем.

Девушка многозначительно замолчала, когда они проходили мимо сидящего на скамейке. Мужчина даже не повернулся в их сторону.

– Идем до третьего фонаря, – голос Вари задрожал, а походка стала вертлявей, – недолго стоим под ним и поворачиваем обратно. Если не поможет, роняю платок. Главное, все должно быть естественно.

Она картинно поправила волосы.

Кружевной платок совершенно случайно упал на ровную дорожку.

– Не оборачивайся! – Варя начала не на шутку сердиться. – У него или слепота, или полное отсутствие вкуса. Фрукт вареный. Все из-за тебя, – накинулась она на сестру, – говорила же, надень что-нибудь приличное. А ты...

Барышня с презрением оглядела простое старомодное платье спутницы.

– Простите, это не вы обронили? – где-то внизу зазвенел детский голосок.

– Какая хорошенькая! – искренне улыбнулась Аннушка и присела к ребенку. – Спасибо, милая, да, это наше. Ты одна здесь?

Серые глаза пристально вглядывались в мягкие черты шестилетней девочки.

Варя зачем-то начала теребить сестру за плечо.

– Мы с папенькой гуляем, он мне ромашки показывает, – лепетал ребенок, перебирая складки нарядного платья.

Варвара сильнее тряхнула Анюту. Та встала и оказалась лицом к лицу с подошедшим мужчиной.

– У вас очень милая дочка, – губы Вари расплылись в лучезарной улыбке, но правая бровь отчего-то резко дернулась.

– Благодарю, – он смущенно наклонил голову. – Пойдем, Машенька.

Еще раз повернулся к Аннушке. Хотел что-то сказать. То ли испуг, то ли радость мелькнули в ответ под стыдливymi ресницами. Мужчина виновато провел ладонью по виску, поджал губы и, подхватив на руки дочь, отошел. Еще долго барышни слышали звонкий смех девочки.

– М-да, этот фрукт уже занят. А жаль. Неплохой был вариант.

Варя бессмысленно теребила перчатку.

Анюта ничего не ответила. Отвернулась, чтобы сестра не заметила алых пятен, заплывших на щеках.

Александр медленно шел по набережной, Машенька поймала его за два пальца. Нарядные пароходы толпились у пристани, подплывали торговые суда. Между ними сновали крошечные лодки. Кричали крючники. Легкий волжский ветер разносил запах воды и рыбы.

Мужчина погладил дочку по кудрявой головке с мягкими косичками.

Кто-то на противоположном берегу махнул рукой.

– А мы туда поплывем? – спросила Маша, запрыгивая снова к отцу на плечи.

Она решила помахать в ответ. Просто так. Даже если ее приветствие никто не заметит. У детей вообще все просто.

– Обязательно.

Он нежно прижал ее. Мысли Александра белой чайкой улетели на другую сторону реки. Там его родина. Там его место. Там началась новая жизнь. Ему еще не было шестнадцати, когда...

Мужчина глубоко вздохнул, откинул назад волосы и погрузился в прошлое...

Саша провел рукой по деревянному кресту.

– Ну, прощайте, отец и матушка. Теперь не знаю, когда снова вернусь сюда.

Склонив голову, он стоял у двух печальных могил. Злой ветер норовил забраться под легкий дорожный плащ. Юноша повернулся к скрытой в осенней листве пустой усадьбе. Поклонился небольшой деревеньке, где у крайнего дома мелькнул до боли знакомый вдовый платок тетушки Дарьи. Она спешила к нему. Александр дождался ее на дороге, крепко обнял.

– Прощай, соколик, – прошептала женщина, вытирая непрошенные слезы, – знай, что здесь тебя любят и ждут.

С болью он смотрел на увядающую Дарью, ставшую для него после смерти родителей второй матерью.

– Я вернусь. Непременно, – едва слышно проговорил Александр.

Тихо подошел проститься Ваня, названный брат, родной сын Дарьи.

– Сашка, ты уж прости, если что.

По-мальчишески смущенно он похлопал друга по плечу своей богатырской рукой и едва не задавил в могучих объятиях хрупкого Сашу.

Последний раз тонкая фигура застыла на пригорке. Перед тем как скрыться за поворотом, Александр прощально махнул единственным своим близким людям: взрослому великану Ваньке с детскими робкими глазами и молчаливой седеющей тетушке Дарье.

Снова и снова юноша сжимал в горячей ладони листок бумаги, где самым дорогим на свете, материнским ровным почерком, был написан адрес.

Усталая осенняя дорога помнила шаги матушки. Тихие, робкие шаги в деревню. Четырнадцать лет назад. Маленький Саша тогда спал в нежных объятиях. Ему было почти два года. Сердце сохранило где-то глубоко в памяти материнские руки, грустную колыбельную и резкий надсадный кашель...

Через пару лет в доме тетушки Дарьи, приютившей их, в один из осенних дней было особенно холодно и неуютно: матушка больше не слышала слез своего Сашеньки, не могла прижать к себе его кудрявую головку. Стоя у деревянного креста, прижавшегося к соседней простой могиле, мальчик узнал, что маменька теперь всегда будет рядом с его родным отцом.

Батюшку он не помнил совсем, но горячо любил сиротским сердечком. А теперь от той же тетушки Дарьи усвоил, что похож как две капли воды на своего рано ушедшего родителя.

Осень обнимала все вокруг лоскутным покрывалом. Холодный ветер яростно раскачивал уставшие деревья, проверяя их на крепость.

Александр почти целый день шел по высокому берегу Волги, кутаясь в тонкий плащ. Поля и деревеньки сменились богатыми купеческими дачами, среди которых попадались и простые избы. Под окнами одной из них он остановился поздним вечером, сверяя написанный на бумаге адрес и не решаясь постучать.

Саша не был пугливым и хилым, он с ловкостью выполнял любую мужскую работу. А робость перед незнакомой дверью скорее напоминала волнение первооткрывателя. Еще в детстве с неразлучным Ваней они нашли на чердаке старинный сундук и с таким же чувством стояли перед закрытой крышкой: что там? Несметные сокровища? Страшная тайна или немая пустота? Они не угадали. Сундук был набит старым истлевшим тряпьем.

И вот сейчас Александр также стоял перед дверью. Что ждет его по таинственному адресу, листок с которым матушка перед смертью попросила вручить сыну на его шестнадцатилетие? Тетушка Дарья передала записку на пару месяцев раньше положенного срока, словно торопила его отправиться в дорогу.

Глубоко вдохнув, как перед погружением в воду, Саша дважды ударил в невысокое освещенное окно.

Сначала никто не ответил. На повторный стук в доме что-то зашуршало, закричало, легко дернулась одна из ситцевых занавесок, и на пороге показалась невысокая бойкая женщина с гладко зачесанными непокрытыми седыми волосами.

– Чего надо? – неприветливо начала она, и, продолжая грызть семечки, с ног до головы окинула взглядом непрошеного гостя, пытаясь разглядеть его в сгустившихся сумерках.

– Простите, вы Марфа Семеновна?

Чувствуя себя нашкодившим мальчишкой, Сашка протянул хозяйке материнский листок.

– Знамо дело, Марфа Семеновна. Меня тут каждая собака знает. А чего ты мне суешь, я ведь неграмотная.

Сощурившись, женщина снова прожгла его взглядом сквозь темноту вечера и выплюнула в сторону шелуху.

Молодой человек сначала хотел все объяснить, рассказать о последней просьбе матери передать этот самый листок, где кроме адреса и имени «Марфа Семеновна» ничего больше и не значится. Другим желанием было поскорее бросить всю эту странную затею и вернуться в деревню, где его любят и ждут. Он уже собрался уйти, унося с собой тайное разочарование, как от сундука с тряпьем.

– Ну, чего топчешься? – заторопила хозяйка, – заходи, раз пришел.

Александр совсем растерялся от такого приглашения, однако послушно прошел за женщиной в небольшой, но добротный светлый дом.

– Две комнаты свободны, любую выбирай. На чердаке подешевле возьму. Глядишь, сторгуемся.

Хозяйка поправила керосиновую лампу, при свете повернулась к гостю и замерла.

Сашу словно окатили ледяной водой. В деревне он совсем не думал, что деньги имеют какое-то значение в его жизни: хозяйство кормило, работа была всегда. Сашка даже предста-

вить не мог, что где-то все устроено по-другому. Хотя здесь тоже деревня, но она совсем другого рода. Сплошные господские да купеческие дачи. И переправа в город ближе.

Юноша машинально потянулся к бережно подшитому внутреннему карману, где лежало целое состояние, собранное заботливой рукой тетюшки Дарьи, пятьдесят копеек...

В этот момент хозяйка вновь обрела дар речи:

– Не может быть... Миленький ты мой!

Из голоса мгновенно улетучились показное равнодушие и грубость, взгляд стал мягким и влажным. Александр не успел сообразить, что произошло, когда оказался в крепких объятиях Марфы Семеновны. Она уткнулась в его плечо и вдруг заплакала.

– Вот и дождалась тебя, сокол мой, ты мне внучок, почитай. Мамка я твоего папеньки, кормилица, – вытирая слезы, нежно приговаривала женщина. – Ты как две капли воды на него похож, уж прости, впотьмах и не разглядела. С тебя ни копейки не возьму, – торопливо добавила она, остановив руку юноши.

Пока Саша удивленно хлопал глазами, на столе появились прянички, баранки, самовар. Сама хозяйка, проворно работая локтями, не спускала подобрешего взгляда с гостя. Перекрестясь на старинный образ, сели за стол.

– Оленька-то, маменька твоя... – женщина не договорила, словно боялась произнести страшное слово.

– Матушка умерла, когда мне почти четыре было, – дрогнувшим голосом отозвался Саша.

– Кому сколько Бог жизни отмеряет... Болела она быстро, – хозяйка задумчиво подперла голову ладонью, – как и хотела, значит, поближе к своему ненаглядному перебралась, чтоб рядышком лежать.

Александр с надеждой поднял глаза:

– Расскажите мне про родителей, Марфа Семеновна, я ничего о них не знаю.

– А чего рассказывать, Оленьку ко мне, сиротку, купец один из города привез. Там жена его, видать, развлекалась, наукам ее разным обучила да грамоте. А как Олюшка из девчонки на побегушках в девицу красную превратилась, стал на нее сынок ихний заглядываться. Ну, вот ее и спровадили с глаз долой. А здесь ее папенька твой и увидал. Он частенько ко мне заглядывал, хоть и не близко ему было.

Марфа Семеновна отхлебнула остывший чай. Александр сидел, затаив дыхание.

– Ну вот, а Сашеньку-то покойного, отца твоего, я вот на этих руках вынянчила, выкормила, – она изобразила колыбельку. – Он младшеньким был у господ Голубевых. Маменьки его скоро не стало: холера в тот год буянила, многих скосила. А у меня как раз сынишка народился, вот я и подвернулась. В город перебралась за мужем, он работал с артелью там. Нас эта зараза стороной обошла, слава Богу. Вот так и выкормила господского сыночка. В благодарность отец его велел здесь избу поставить, вот до сих пор стоит, – она показала на крепкие стены. – Уж давно мужа не стало, сынка своего тоже я пережила... Одна здесь. Хоть ты меня, старуху, порадовал.

Саша виновато улыбнулся, а Марфа вдруг всплеснула руками:

– У меня ж памятка от твоих родителей лежит! Дождалась, видать, своего часа.

Из маленького ящичка массивного буфета женщина вытащила тряпицу и тонкую книжицу.

– Вот, это матушка твоя по молодости все писала, я, бывало, ворчу на нее, спать пора, а она все пишет – пишет. Дневник, говорит, на память. А здесь, – хозяйка протянула что-то твердое, завернутое в светлую ткань, – от Сашеньки, отца твоего.

Александр бережно развернул дорогие часы на тонкой цепочке. На крышке красовался вензель: две буквы по краям, А и О, и по центру большая Г.

– Это после свадьбы успели сделать, – пояснила хозяйка. – Оленьку он сюда вписал. Хоть и говорили все, что не ровня они, а такая пара славная получилась. Для любви, видать, заборов не поставишь. Подольше бы им пожить, редко, когда вот так, душа в душу...

Марфа смахнула слезу с ресниц и вдруг засуетилась:

– Что ж это я, тебе давно отдыхать пора, пойду комнату приготовлю.

– Спасибо вам, Марфа Семеновна.

Саша с бесконечной благодарностью посмотрел на нее горящими карими глазами своего отца.

Женщина улыбнулась в ответ, а в темноте соседней комнаты закрыла лицо натруженными ладонями, прячась от нахлынувших воспоминаний.

Александр поспешил помочь хозяйке, чтобы поскорей при свете свечи остаться один на один с девичьим дневником матушки: он понял, что уснуть сегодня не сможет, пока не прочтет его от начала и до самого конца.

Огонек слабо дрожал на подоконнике. Саша, не раздеваясь, бережно держал свое сокровище: память о родителях, записанную нежной рукой вечно молодой матушки. Дневник словно начинался с середины. Возможно, до этой тетради была другая, безвозвратно утерянная. Но самое главное хранилось здесь, в этих ровных строчках.

Дневник

16 июня

Шью новое платье для купчихи Снегиревой. Марфа Семеновна чувствует себя лучше, правда еще жалуется на головную боль.

Снова приезжал А. Г. Теперь они живут на этом берегу, в летней усадьбе. На лошади, наверное, недолго до нас. Он такой заботливый, очень переживает за свою кормилицу. Привез гостинцев с ярмарки и лекарства. Зачем-то все спрашивал, что я шью, разве это может интересовать мужчину? А я опять, вместо того, чтобы поговорить с ним, хоть бы и о шитье, вся сделалась красной как рак. И молчала как рыба. Двух слов связать не могу. Каждый раз ничего не могу сделать с собой, как только А. появляется на пороге, какая-то глупость на меня нападает. То молчу, то начинаю нести такую чушь, что лучше бы молчала... Он, наверное, считает меня последней дурочкой...

21 июня

А. Г. приезжает каждый день. Марфа Семеновна совсем оправилась после болезни. Теперь он, наверное, не будет так часто ее навещать, а жаль...

Одно платье готово. Нужно приниматься за следующее.

8 июля

А. Г. продолжает приезжать каждый день... Марфа Семеновна все шутит, что не ради нее он это делает. Нет. Это невозможно. Выкинь из головы глупые мысли, дрянная девчонка, ты не стоишь его мизинца!

А вчера он попросил сшить для него рубашку! И сегодня приедет, чтобы снять мерки... Мне кажется, я жду каждый день его приезд. И если он задерживается, начинаю волноваться. Но при нем... Снова веду себя ужасно глупо. Когда А. Г. уходит, чуть не плачу. Ну почему я такая нескладная...

Кажется, едет. Я опять вся дрожу. Надо поскорее спрятать всю эту писанину и сесть за работу.

А. Г. ушел. Это ужас. Так стыдно. Теперь он еще думает, что я неумеха. Даже мерки снять не смогла по-человечески... Все из рук валится. В конце концов, он все померил сам... Теперь, когда кончу платье Хлебниковой, сяду за рубашку. Надо хотя бы сшить хорошо. Для него! Для А. Г.!!!

16 июля

Сегодня заканчиваю рубашку для А. Г. Жаль... Для него одного всю бы жизнь шила... Опять эти глупости. Он приезжает к Марфе Семеновне и только к ней! На меня обращает внимание из вежливости! Запомни уже это!

У его жены будет очень красивая фамилия, Голубева. И она будет самой счастливой женщиной на земле!

И она будет дворянского рода, из хорошей семьи и с богатым приданым!!!

А я сегодня просто отдам заказанную рубашку, как отдаю платья купчихам. Но почему же он так долго не едет?

Ничего не буду писать. Хотя нет. Он целовал мне руки! Так рада, что ему понравилась рубашка... Обещал постоянно ходить только в ней. Пошутил, наверное. А если нет? Надо будет сшить ему такую же на смену.

18 июля

Марфа Семеновна поехала в город к знакомым и вернется только завтра. А. Г. уже не застал ее (он и правда в моей рубашке каждый раз приезжает, надо поскорее сменную сшить). Сказала, что ждать сегодня хозяйку бесполезно. А он спросил: «Можно я просто так останусь? Ненадолго». Надо было ему отказать... Без Марфы Семеновны совсем глупо получилось. С ней они хотя бы вдвоем разговаривают. А без нее... Он что-то спрашивает, а у меня будто звон в ушах, не понимаю ничего. Делаю вид, что очень занята работой. А. Г. понял, что я совсем дурная, книгу Пушкина достал. «Капитанскую дочку». Я читала когда-то такую вслух, когда у купцов Балобановых жила. Очень она мне нравилась. Что-то даже запомнилось. А ему сказать не могу ничего. Сижу как воды в рот набрала. Реву теперь. А почему, сама не знаю...

2 августа

У дорогого А. Г. что-то случилось. Он не признается. Но второй день приходит задумчивый и даже грустный. О чем-то говорил с Марфой Семеновной. Рано уехал сегодня. Бедный, бедный А.! Что же у тебя случилось?

Совсем забыла написать: вторую рубашку сшила давно, отдала ему. Вышила на воротнике его вензель. А он так обрадовался в тот день, как будто ему большой дом в городе подарили, а не рубашку. Так рада, что он рад...

18 августа

А. Г. редко приезжает. А скоро совсем перестанет: в конце лета он отправляется в столицу. Надолго. Как же мы будем здесь одни, без тебя, наш дорогой А.! Но не думай ни о чем. Там жизнь, настоящее общество, не то что мы...

Ты обещаешь помнить про нас. А надо ли?..

28 августа

Он уехал. Ничего не могу делать. Нужно срочно закончить заказ, а я реву. Милая Марфа Семеновна, вы самый мудрый человек на земле. И единственный родной для меня теперь. Наверное, А. Г. я больше не увижу. Он скоро женится... Случайно услышала, как они говорили с хозяйкой... Конечно, на столичной барышне, на ком же еще?

Опять мешаю Марфе Семеновне спать своими каракулями. Простите, больше не буду.

20 сентября

Сегодня пришло письмо из столицы от А. Г.! На конверте написано: для Марфы Семеновны, но он же знает, что она не сможет прочитать... (Он хотел научить ее грамоте, и я тоже пыталась, но наша милая хозяйка считает, что ничего из этого не выйдет).

Боюсь вскрывать конверт. Сердце сейчас выпрыгнет...

Как это возможно?! Надо успокоиться. Сначала я читала вслух. А. Г. писал своей добрейшей кормилице, справлялся о ее здоровье, сказал, что хорошо устроился, а потом попросил передать горячий привет «скромной красавице Оленьке»! А дальше... Все остальное письмо оказалось для меня! Он знал, что читать буду я! Уже молча... Покраснела как помидор перед Марфой Семеновной. Но она, наверное, все и так поняла... Он опять благодарил за рубашки,

написал, что страшно скучает и очень хочет увидеть меня... И еще, если он мне не совсем противен, будет благодарен даже пустому листу бумаги в ответ. Только чтобы на конверте было написано мое имя... Не совсем противен... Знал бы он...

А еще там лежали ромашки... Кусочек лета осенью... Не буду гадать. Зачем, если каждое слово в письме шепчет: «Люблю».

21 сентября

Ну и глупостей же я натворила!!! Написала письмо. На трех листах. И отправила. Уже. Даже не перечитала... Если б начала, то разорвала бы и бросила в печь. Сперва не знала, как начать, как обратиться к дорогому моему сердцу А.Г.

С огромной радостью назвала бы его и милым, и любимым... Написала просто, Александр! А дальше... И скучаю ужасно, и письма буду ждать, и ромашки его сохраню, чтобы всегда рядом были. Уже не припомню всего. Про Пушкина еще написала! Про книгу его любимую. И что совсем он не противен мне, просто я какой-то деревянной делаюсь рядом с ним. От Марфы Семеновны еще поклон передала. Хоть она и не знает, что я письмо написала. Или догадывается?

14 октября

Этот день сохранится в памяти на всю жизнь. Началось все ужасно бестолково. Мне работу нужно заканчивать, а то нитка порвется, то игла сломается. Потом две чашки со стола упали. Пока осколки собирала, слышу, подъезжает кто-то. Подумала, что заказчики уже на пороге. А я кончить не успела. Бросила чашки, схватилась за работу. Вся взмыленная, красная. И заходит Сашенька! Я так и села. И сказать ничего не могу. Только улыбаюсь глупо... А он серьезный такой, натянутый как струна. Подошел ко мне с порога, за руку взял и говорит: «Оленька, станешь ли ты моей женой?»

А меня трясет всю, слова сказать не могу... А ведь мечтала это от него услышать! А сама... А он так грустно вздохнул: «Ты подумай, и, если говорить со мной не хочешь, письмо напиши. Буду ждать твой ответ». И к дверям пошел. Тут меня как прожгло всю. «Саша, – закричала, – Сашенька...» И снова плакать. А он меня, как маленькую, утешает, по голове гладит. Наревелась я, к руке его сильной прижалась, и говорю, что и во сне о таком счастье мечтать не смела... Меня прорвало словно. Сидели мы с ним часа три. Все наговориться не могли. Переживала я только за родных его, что скажут? Но он заверил, что отец благословит. И это главное. А еще он помог мне с работой и чашками моими разбитыми.

Сашенька больше не уедет! Он останется здесь, рядом! А после Святков обвенчаемся. Так скоро! И так долго!

Марфа Семеновна радуется за нас как ребенок! Говорит, что давно догадывалась, как все будет. Дорогая наша, милая кормилица!

Саша поправил свечу, тихо улыбаясь мирному счастью своих родителей. Разгладил засохшие лепестки ромашек, вложенных в тетрадь. На следующей странице среди нарядных вензелей крупно было написано: «О. Голубева». За стеной заворочалась Марфа Семеновна. Когда все стихло, Александр продолжил читать.

Январь

Мы самые счастливые люди на свете! Сашенька – самый заботливый, самый лучший муж! Муж! А я теперь его жена!

Любовь нужно подпитывать постоянно, дарить радость, ласку, нежность!

Родные Сашеньки встретили нас хорошо. С Петром Васильевичем познакомились еще до венчания. Он сразу назвал меня доченькой! Опять чуть не расплакалась.

А вот старшая сестра Сашеньки, Екатерина, наверное, досадует, что ее брат выбрал себе такую незавидную жену... А так, я уверена, она прекрасный человек, но пока это скрывает... Мы обязательно подружимся с ней, возможно, не сейчас.

Безмерно счастлива, когда мы с Сашенькой вместе. Короткая разлука кажется вечностью... Сейчас он уехал по делам. Скорее бы вернулся!

Февраль

Совершенно забросила дневник. Когда на душе легко и радостно, когда есть кого любить, когда знаешь, что тебя любят, то и написать совсем нечего.

ЛЮБЛЮ!!!

25 марта

Я страшно гордая, если во мне так много обиды. Скорее бы вернулся Сашенька!

Сижу плачу в нашей спальне.

Катерина Петровна сегодня обвинила меня в пропаже ее драгоценных сережек! За что она так? Я ей ничего не сделала дурного! А она позвала папеньку и сказала, что нужно проверить наши комнаты! Теперь здесь страшный развал, все перерыто... И самое главное, серьги нашлись ПОД МОЕЙ ПОДУШКОЙ! Как такое могло произойти? Не брала я их! Не брала!!! Бедный Сашенька, за что ему столько страданий с такой неудачной женой...

Слава Богу, все разрешилось. Саша вернулся очень уставший, о чем-то долго говорил с сестрой, она, кажется, плакала, бедная... Но сказала, что больше ни в чем меня не обвиняет.

А самое главное, как только на реке наладят переправу, мы насовсем уедем в летнюю усадьбу! Она станет нашим постоянным домом! И мы будем ближе к драгоценной Марфе Семеновне!

Мы самые счастливые люди на свете!

21 апреля

Трудно передать словами, что мы чувствуем. С каждым днем растет наша большая взаимная любовь. Она складывается из маленьких ежедневных радостей: букета первых полевых цветов, чая на террасе, прогулок по лесу, поездок к Марфе Семеновне. Даже представить себе не могла, какой путь Сашенька проезжал каждый день! Хотя на лошадях правда не долго, но если пешком...

Здесь, рядом с усадьбой, в деревне живут удивительные люди, с ними очень легко, они настоящие и простые. Особенно радостно в семье Дарьюшки и Макара. Мы сразу с ними подружились. Младший Ванечка у них – просто чудо. Любуемся их тихим счастьем. Хочется и для моего Сашеньки родить сыночка. Чтобы был похож на него: карие глаза, русые волнистые волосы... А главное, чтобы рос таким же заботливым, добрым и чутким ко всему живому!

30 мая Сашеньки не стало. Прошло уже 9 дней. Когда-нибудь соберусь с мыслями и вылью эту тяжесть на бумагу. Но не сейчас.

Живу только ради нашего ребенка. И верю, что Господь не оставит. Больше защиты и помощи просить не у кого.

Александр остановился. Сильно колотилось сердце. Все оставшиеся страницы дневника были залиты слезами матушки. Что случилось с отцом? Почему он так и не взял на руки своего единственного сына?

За окном загорались первые лучи рассвета. Крошечный огарок дождался, когда можно будет читать без него и тихо, незаметно погас.

21 июня

Вот уже почти месяц, как рядом нет дорогого любящего супруга, Сашеньки. Сижу за столом у драгоценной Марфы Семеновны. Снова живу у нее, как и год назад. Но теперь с крошечным малышом, чье сердечко бьется рядом с моим. Чувствую, что будет сын.

В тот день, 30 мая, утром мы поняли, что маленькая радость живет теперь с нами. Мне нездоровилось, Сашенька послал за лекарем. Когда узнали, радости не было предела. А уже вечером Макар колотил гроб...

Мы были вдвоем на террасе, наслаждались нашим счастьем, когда в деревне начался пожар. Горел сарай. Саша бросился туда. Дарья голосила рядом... Ее старшие мальчишки из баловства ненароком подожгли сено. И они сами выскочили, а младший, Ванятка, там остался. Плакал, а все не выходил. Мужики в поле, одни старики и дети. Дарья почти забежала в горящий сарай, а Саша ее оттолкнул и сам Ваню вытащил. А мальчик вырывается, кричит: «Коска, коска!»

Кошка там в углу котят принесла. Он без них уходить, маленький, не хотел... Я только подбежать успела, а Саша так посмотрел на меня, словно простился, и снова туда, за котятами... Тут и рухнуло все...

Тут же гроза началась с ливнем. Мужики прибежали, когда догорало. Сашеньку, родного моего, из-под обгоревших бревен вытащили. Он собой успел котят закрыть, все живые-здоровые. Кроме него. Балкой придавило. А лицо целое, и лежал он, улыбался, словно отдохнуть захотел и задремал сладко...

И все как в тумане... Петр Васильевич всего на несколько часов сына пережил: у него в городе удар случился, даже не успели известить его. Сердцем почувствовал.

В усадьбе, где расцветало наше тихое счастье, теперь хозяйка Катерина Петровна. Меня она не признает, о сыне Сашеньки ничего не знает. Только успели родного моего похоронить недалеко от храма, как она дельца с бумагами привезла. Всем теперь владеет. Ну да Бог ей судья. Мое дело сына родить и вырастить. А как жизнь повернется, никто не знает. Кроме Бога. В Нем лишь защита и опора.

28 декабря, после Рождества Христова, родился наш сын. Александр Александрович Голубев.

Сколько отмеряно мне времени, не знаю. Пока жива, постараюсь служить Богу и людям. И растить память о бесконечно дорогом супруге. Когда сынок станет большим, верю, он будет похож на своего отца. И внешность не самое главное, хотя уже сейчас так ясно проступают дорогие черты на крошечном личике. Главное – большое любящее сердце, способное заступиться за несчастных, согреть, обласкать.

Рассвет уже поднимал спящих с кроватей, а Александр Александрович Голубев неподвижно смотрел на закрытую тетрадь, лежащую на коленях.

Куда теперь повернет его жизнь? Тетушка Дарья все это знала, но никогда ничего не рассказывала, может быть, чувствуя свою нечаянную вину, как и братец Ваня... Но матушка не держала на них зла, значит, и он не должен. Даже на Катерину Петровну, лишившую его наследства и дворянского титула. Но как же это трудно! Рука сама сжалась в кулак. Отомстить. Вернуть свое. Растоптать ложь и несправедливость. Доказать право на собственную жизнь. Не в крестьянском жилище. Любым способом.

Хоть усадьба давно пустовала, Саша знал, что ее хозяйка жива. И когда она изредка навещалась, тетушка Дарья запирала их с Ваней в избе, чтобы не высовывались. Когда же барыня убиралась восвояси, мальчишки тайком пробирались в господский дом. Там старик-приказчик, никуда не желавший уходить, угощал мальцов сладостями, учил их грамоте и даже пускал в библиотеку. Здесь для них открылось целое богатство, собранное семьей Голубевых.

Да, когда-то богатая была деревня. Всего было вдоволь. Но постепенно, вместе с усадьбой, она обветшала и состарилась. Многие семьи в город подались на заработки. Только тетушка Дарья с младшим Иваном не хотели бросать этого места. Здесь похоронен Макар. Здесь жило счастье. Здесь лежат кроткие и тихие, как молчаливые полевые цветы, любимые всеми, Ольга и Александр Голубевы.

Саша чувствовал, что прямо сейчас вернуться в деревню – выше его сил. К тому же, Катерина Петровна собиралась навестить, пока открыта переправа. Знакомиться с родной теткой хотелось меньше всего. Он чувствовал, что выжжен дотла. Еще Саша теперь понимал, за что брат постоянно просил у него прощения.

«Эх, Ваня – Ваня... Если б отец остался жив, все было бы иначе...»

Матушка была удивительным человеком. Простила все и всем. Но что теперь делать ему, одинокому, обездоленному?

В дневнике говорилось про служение Богу и людям. Но как послужить? Что сделать нужно? Куда идти дальше?

За окном куда-то спешили люди, ржали лошади. Марфа Семеновна занялась хозяйством. И тут раздался резкий стук в дверь.

– Кого там принесло еще, – по привычке заворчала женщина.

Тот, кто мало знал ее, предпочитал обходить стороной, считая грубой и даже жестокой. А она, словно старый замшелый колодец с обвалившимся срубом, но чистой хрустальной водой, дарила богатства своего сердца каждому, кто догадывался поглубже опустить ведро: чуть лучше познакомиться с ней.

Всех родных своих пережила эта удивительная женщина. После смерти мужа и сына, улетевших белыми птицами друг за другом, надела она маску равнодушия, чтобы не лезли к ней с пустыми расспросами. Лишь самым близким открывалась она. А кто они, близкие? Сирота Оленька, рано оставшийся без матери Александр, а оттого привязавшийся к ней всем сердцем. И вот теперь сын их. Тоже Саша. Тоже без родителей. Оттого-то вся Марфина нежность, нерастратенная с годами, хлынула бурным потоком. Может, еще кого она особенно привечала, но об этом потом.

Сейчас женщина снова пряталась в свой неприглядный старый колодец. Однако ненадолго.

Александр слышал, как она вышла на крыльцо, откуда раздался радостный возглас:

– Назар! Миленький, да заходи скорее, что ж ты на пороге!

Если бы не вчерашняя темнота, Александр тоже был бы встречен иначе с самого начала. Да он не обижался. Тихонько вышел из комнаты посмотреть на гостя.

Невысокий, но крепкий мужичок с юркими глазками и седой небольшой бородкой, видимо, заходил сюда нередко. Он по-хозяйски налил себе чаю, свободно уселся за стол и с любопытством оглядел Сашу с головы до ног.

– Постоялец у тебя новый? – спросил он у хлопотавшей Марфы, не поворачивая к ней головы. – Из обедневших штоль? Благородием пахнет, а богатством не пахнет, – важно заключил Назар, скаля белые зубы.

Александр напряженно улыбнулся.

– А тебе-то что за беда, – засмеялась Марфа и, повернувшись к Саше, пояснила: – Назар с мужем моим работал когда-то рука об руку. Вот, по старой памяти, заглядывает.

Мужичок побаландал баранку в чае, шумно глотнул и снова устался на Александра.

– Где-то я тебя видел. Хотя какая разница. Столько людей мимо ходит, всех не упомнишь. Ну, все, – Назар допил чай, хлопнул себя по коленям и поднялся, – спасибо, хозяйка, надо мне поторопиться. А то на паром опоздаю. Весной с артелью за новый дом возьмемся. Да и сейчас делов хватает. Еще долго появляться не буду здесь. Ну, пойду служить людям и Отечеству.

– Возьмите меня в артель! – неожиданно для самого себя, попросил Саша.

Мужик, уже стоявший у дверей, резко повернулся.

– А чего мне делать-то с тобой? На тебя ветер дунет, ты и улетишь.

Назар, прищурившись, стал накручивать на палец свою бородку.

– Я не подведу, не сомневайтесь! – умолял юноша, – возьмите только, прошу! Избы и бани в деревне ставил. А чего не умею – научусь.

В карих глазах светилась робкая надежда.

– Вот ведь, свалился на мою голову, – заворчал Назар, – да что с тобой делать, пойдем. Если соберешься за минуту.

И мужик уставился на подарок Голубевых, большие настенные часы, висевшие у Марфы между окон.

Сашке собраться – только подпоясаться. Легко накинул дорожный плащ. Марфе Семеновне тихо сказал:

– Оставлю пока у вас памятку.

– Хорошо, Сашенька, у меня сохранней будет, пока ты жизнь свою не построишь. А так хоть заглянешь еще, меня, старуху, порадуешь.

Марфа грустно улыбнулась, обняла внучка.

– Готов, штоль? – недоверчиво покосился на Сашку Назар. – Ну добро, пойдем. Будь здорова, Марфа, не хворай.

До переправы шли молча. Александр сам не до конца понимал, зачем напросился в артель, но слова Назара про служение совпали с неотступной мыслью, пульсировавшей в голове после матушкиного дневника.

Уже у Волги Назар высморкался в сторону и важно заявил:

– В артели я старшой. Меня слушать беспрекословно, – он зыркнул острыми глазками и стал зачитывать неписанный свод правил: – не ныть, на жизнь не жаловаться, на кровати не валяться. Работаем с утра до позднего вечера. Цельный месяц на свободный отдых, раз в год. Ходи куда хошь, гуляй, веселись, но чтоб к сроку на месте был. Живем в бараке, все вместе. Семейные отдельно, ну да ты, видно, не из них. Мужики у нас сурьезные, спуску не дадут. С весны до осени – строим. Зимой и в непогоду внутри работаем. Господам купцам лепные потолки да стены делаем. Всему научились за столько лет. Ну как, не передумал еще?

– Нет, не передумал, – твердо отозвался Александр.

– Ну-ну, поглядим, – цепкие глазки задержались на сосредоточенном взгляде Саши.

Катерина Петровна, сестра покойного Александра Голубева, с досадой проводила очередного купца.

«Он еще пожалеет, цена ему не нравится! Глушь, видите ли!»

Она прошлась по печальной террасе.

«Расползлись, негодяи, как тараканы, даже порядок навести не могут, знали же, что я буду. Еще старикан этот вздумал помереть...»

Она злилась на всех вокруг, хотя понимала, что здесь не осталось почти никого, в скрытой близким лесом старинной усадьбе. Старик-приказчик умер, именно он берег и хранил господский дом от запустения. Крестьян Катерина не жаловала, никогда и близко не подходила к их домам, но считала, что они обязаны встречать ее хлебом-солью и быть при параде. Но в этот раз про нее словно забыли. Она с силой ударила кожаной перчаткой по старым перилам, тяжело села в бричку и прикрикнула на неуклюжего кучера.

За работой месяцы пролетали незаметно. Всю зиму, кроме праздников, артель трудилась в недавно отстроенном доме купца Петрова: лепные потолки, стены... Руки и ноги гудели с непривычки, Саша только и успевал добираться до своего уголка в бараке, где моментально засыпал. Он был даже рад, что на тяжелые, как камни, раздумья просто не хватает сил.

Первое время Назар, будто проверяя Сашку, нагружал его работой больше других. Было сложнее еще и потому, что мужики знали свое дело, а Саша только учился. Старшой сначала постоянно искал, к чему можно было бы придраться, но все чаще только довольно хмыкал и хлопал паренька по плечу.

– Это тебе не баня в деревне, – заметил Назар, глядя на Сашку, с восхищением застывшего перед законченной работой.

Молодой купец, Степан Васильевич, подкручивая тонкие усики, важно расхаживал по своим, еще пустым, владениям.

– Скоро жену сюда приведу, – между прочим заявил он и, не дождавсь поздравлений, ушел осматривать другие комнаты.

Конечно, Саша уже видел что-то подобное в усадьбе, но теперь он знал, как это делают человеческие руки. И его руки в том числе. Весь в белой мелкой пыли, словно поседевший, как и вся артель, Александр с мальчишеским восторгом вдруг подумал, что когда-то неизвестные мастера вот так же работали в доме отца. Он повернулся к Назару и выдохнул:

– Как же хорошо!

– Это еще что, – хмыкнул мужик, внимательно шурясь на Сашу, – вот когда ты дом с фундамента выстроишь...

Он не договорил, словно какая-то мысль осенила его:

– Вспомнил!

Назар хлопнул себя по коленям.

– Ты, Сашка, не родственник, случаем, господ Голубевых? Уж очень ты на сынка ихнего похож! Как же звали-то его...

Глаза юноши потемнели.

– Ну как, Александр Петрович? – почтительно спросил Елисей, убирая остатки лесов из только что отделанной комнаты.

– Прекрасно! – выдохнул запачканный белой пылью паренек. – Отцу понравится!

– Вот и славно. Назар, помоги.

Крепкий юркий мужичок с темной бородкой ловко подхватил оставшиеся от лесов доски.

– Вы б умылись, милостивый государь, – строго заметил он, пробегая мимо Александра, – не то Петр Васильевич осерчает.

Мальчишка звонко рассмеялся:

– Не осерчает! А Марфа Семеновна еще и порадуетя! Правда, Гриша? – Саша задорно подмигнул стоящему рядом своему ровеснику, сыну Марфы, и тряхнул побелевшими волосами.

– Батюшка, поедемте прямо сейчас домой, а? – Гриша озорно сверкнул серыми глазами на Елисея и размазал белую пыль по лицу.

– А отчего бы и нет! – внезапно подхватил строгий обычно артельный староста. – Повеселим Марфушу.

Назар неодобрительно покачал головой, а Александр Петрович Голубев уже седлал лошадей в конюшне обновленной летней усадьбы. Он был еще совсем мальчишкой, не знавшим горя. Скоро, с помолодевшим от неожиданной шалости Елисеем и его сыном Гришей, они выехали с укрытой деревьями проселочной дороги и понеслись по берегу Волги. Белая пыль смешалась с дорожной в волосах и на разгоряченных лицах.

Вдруг они услышали крики отчаяния и голоса, звавшие на помощь, где-то у самой воды. Две лодки, отплывшие от берега, до отказа наполненные людьми, перевернулись. Все трое, не раздумывая, бросились в холодную Волгу...

Артель, довольная законченной работой, не спеша двигалась вдоль берега с Назаром во главе, когда над водой раздался надрывный, почти детский, плач. Гриша в голос рыдал над Елисеем. Саша, опустившись на колени, закрывал лицо руками и глотал слезы. Им удалось спасти всех, но сам артельный староста, муж Марфы Семеновны, ударился головой о лодку, закружившуюся в водовороте. Тонкие алые струйки разбегались в воде от умытого, разом побледневшего лица. Мальчики вытаскивали Елисея последним...

Марфа готовила праздничный ужин: сегодня артель должна кончить работу, значит, на короткий отдых домой вернутся муж и сын, непременно с гостями. Когда на пороге послышались шаги, она радостно побежала встречать родных, да так и замерла, увидев белого как снег бездыханного Елисея на руках суровых мужиков, оцепеневшего от горя сыночка Гришу и внезапно повзрослевшего выкормыша Сашку. Черной тучей горе опустилось на овдовевшую избу. А беда никогда не приходит одна: после смерти отца тяжело заболел Гриша. Растаял на глазах, как свеча. Саша вытаскивал Марфу из страшного опустошающего горя. Долго она не могла оправиться, а потом закрылась от людей. Только Сашка да немногословные мужики из артели, изредка заглядывавшие на огонек, знали глубину ее раны и не лезли с ненужными распросами. За что она и любила их всем своим истерзанным, скрытым от чужого глаза, сердцем.

– Уж очень ты на сынка ихнего похож! Как же звали-то его... – припоминал Назар.

Глаза Саши потемнели, и он глухо сказал:

– Александр Петрович Голубев, мой отец.

Назар с удивлением оглядел его с головы до ног, будто видел впервые:

– Ты из дома сбежал, что ли? В городе поговаривали, что все Голубевы в столицу переехали. Давно уж. Лет пятнадцать точно прошло. А родители твои знают, где ты?

Саша чуть не задохнулся:

– Они умерли. И никуда не уезжали.

– Ну, в городе у нас любят приврать, конечно... А я даже поверил этим слухам. Странно, мне Марфа ниче не говорила... – староста потер нос. – Хотя она никогда ничего не говорит. А я не лезу. Вот. Так что извиняй, не знал.

Назар хлопнул его по плечу и занялся делами, а Сашка еще раз окинул прощальным взглядом созданную красоту, но уже не почувствовал радости. Снова разъедающая, всеобъемлющая тоска змеей заползала в сердце.

Весной, когда Волга бушевала и выходила из берегов, ломая лед и оставленные на зимовку судна, артель начала закладку нового дома. Но нужные материалы задержались в пути, и мужики почти на неделю остались без работы. Назар ходил хмурый, добрый дедушка Яков тихонько напевал что-то в седую бороду, болтливый Кузьма рассказывал самые невероятные истории и пытался убедить всех вокруг в их правдивости... Остальные маялись: и не уйти, и делать нечего. Так прошло дня четыре, наконец староста не выдержал, и объявил на всю предстоящую неделю гулянье. Несколько мужичков, во главе с Кузьмой, моментально сбежали в кабак, кто-то решил навестить родных, а Саша, одиноко примостившийся рядом с Яковым, не знал куда себя деть. Что-то тянуло его на другой берег, но переправу наладят еще не скоро, а переплыть Волгу между свирепыми льдинами почти невозможно. Почти...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.